

Мятежи, бунты, революции творят незаурядные люди, помимо прочих способностей наделенные характерной особенностью: для них «чужая головушка – полушка, да и своя шейка – копейка». Одним из важных факторов, вызвавших события 1917 года в России, стал культурно-просветительский проект предпринимателей-старообрядцев. Что такое прагматичный догматизм и как он объединил самые влиятельные купеческие и промышленные фамилии Российской империи, по какой экономической шкале стоит измерять глубину религиозного раскола и какие счета довелось сводить старообрядцам и революционерам?

Известный книгоиздатель, а до того костромской крестьянин-старообрядец Иван Сытин (справа)

- [Феликс Разумовский: Гонения на Церковь начались до октября 1917 года](#)
- [Староверы – это те, кто верит “неправильно”?](#)
- [Черно-белая царская Россия](#)
- [История раскола и раскол истории](#)

Cherchez la femme fatale

26 мая 1905 года в номере каннского Royal Hotel погиб прославленный предприниматель и меценат Савва Морозов: огнестрельная рана в груди, пальцы сложенных на животе рук опалены, на полу валяются браунинг и записка «В моей смерти прошу никого не винить» — без подписи и даты. Французская полиция, вопреки обыкновению, не сделала ни фотографий, ни формального описания места преступления. Позже пропал пистолет, а вдова обмолвилась, что видела, как через сад бежал человек в плаще и шляпе, но маменька Саввы Тимофеевича (влиятельная купчиха Мария Федоровна, с которой Морозов перед смертью находился в весьма напряженных отношениях) уже приложила все силы к закрытию дела.

Семья добилась заключения врачей о самоубийстве, совершенном в состоянии внезапного аффекта, — и покойный был похоронен на старообрядческом Рогожском кладбище. По Москве сразу поползли слухи о том, что в закрытом гробу лежал вовсе не Морозов: он-де жив-здоров, скрывается от кого-то в Европе.

Эта загадочная смерть начала обрастать все новыми бульварными подробностями, когда актриса Московского Художественного театра, гражданская жена Максима

Горького Мария Андреева получила в банке 100 тыс. рублей по страховому полису «на предъявителя», подписанному Саввой Морозовым незадолго до гибели.

О том, что Морозов, оказывающий МХТ постоянную поддержку и добившийся строительства его нового здания в Камергерском переулке, давно питает к Андреевой нежные чувства, знала вся Москва. Но мало кому было тогда известно о связях этой *femme fatale* с Владимиром Лениным: будучи давним его агентом, Андреева отвечала в партии за этакий деликатный фандрайзинг — и действовала в связке с Леонидом Красиным, еще одним большим специалистом по «экспроприации» чужих средств на нужды революции.

Был ли полис получен Андреевой из рук Морозова или украден ею? Убил ли коммерсанта шантажист Красин, который — доподлинно известно — находился в тот день в Канне, или он же подтолкнул его к самоубийству? Сегодня можно быть уверенным только в том, что интерес Саввы Тимофеевича к социал-демократическому движению не был просто экстравагантным хобби.

Морозов оказался одним из нескольких десятков представителей крупного капитала, связанных в предреволюционные годы с оппозиционными силами. Если еще точнее — одним из тех предпринимателей-староверов, которые с культурно-просветительских позиций подошли к трансформации государственного строя, просуществовавшего с XVII века до 1917 года.

Савва Морозов

Налог на веру

Церковная реформа патриарха Никона (1650-1660-е), вдохновленного идеей «Москва — Третий Рим», заключалась в изменении и унификации богослужебных текстов и обрядов по греческим образцам. Внедрение нового вероучения проводилось одновременно духовной и светской властью — да с такой бескомпромиссной резкостью, которая не могла не привести к его массовому неприятию. Соловецкое восстание, бунт

Степана Разина, Хованщина: раскол обернулся самой настоящей религиозной войной.

Итоги ее заметно отличались от европейского противостояния католиков и протестантов — если сторонники и противники Реформации пришли наконец к примирительному принципу *cuius regio, eius religio* («чья страна, того и вера») и отделились друг от друга государственными границами, то победители-никониане и побежденные раскольники остались делить одну страну.

Пока фанатичные защитники «истинной веры» с готовностью умирали за двуперстное крестное знамение, более умеренные ревнители старины предавались догматическим спорам, итогом которых стало возникновение нескольких десятков согласий.

Будучи преданы анафеме и оказавшись вне закона, раскольники либо активно переселялись на окраины тогдашней России и в соседние государства (земли Речи Посполитой, страны Балтии, территории Балканского полуострова, подвластные Османской империи), либо скрывали свое вероисповедание.

Легализация раскола началась при Петре I, выпустившем 8 февраля 1716 года указ о переписи старообрядцев и установлении для них двойного налогообложения. Спустя 10 лет вышел еще один законодательный акт, касавшийся тех, кто впервые пожелает обратиться к старообрядчеству: раскольников-неофитов ждал уже четверной подушный оклад. Неудивительно, что староверами в те годы признала себя лишь 191 тыс. человек — менее 2 % населения. Объяснимо и то, что к 1753 году официальное число приверженцев старой веры сократилось до 37 тыс. — в эти годы властями была разработана целая система наказаний, штрафов, ссылок и имущественных конфискаций за распространение раскола: под ее действие попадали даже священнослужители, которые не выявляли тайных староверов.

Однако если в одних частях страны специальная Раскольничья контора исправно карала и штрафовала, а местные купцы пытались наладить собственный бизнес по выявлению нарушителей, то в других «скрытые» раскольники смело расхаживали при бородах и в русском платье. Как писал публицист екатерининской эпохи князь Михаил Щербатов, «между подлого народа эта ересь так распространилась, что нет почти ни города, ни знатного селения, где бы кого из раскольников не было» и даже «целые города... этим ядом заражены».

Только при Екатерине II, крайне критически оценивавшей никоновские реформы, раскольники получили разрешение носить традиционный костюм и, что куда важнее, записываться в купеческое сословие, свидетельствовать в суде и избираться на общественные должности. Она же в 1782 году отменила петровский двойной оклад. Эти шаги стали продолжением мер, ранее предпринятых Елизаветой I и Петром III: оба правителя выпустили ряд указов, которые гарантировали беглым староверам право свободно вернуться в Россию, — притом каждый следующий документ сулил возвращенцам все больше поощрений.

Разумеется, новая политика была продиктована чисто экономическими интересами: власти стремились всех переписать, расширить круг налогоплательщиков и вовлечь как можно больше народа в торгово-мануфактурные отношения, «когда беглецы в империю выйдут и подушные деньги в казну платить станут, нежели за границу».

Верующие читают молитвенник на крыльце старообрядческой домовой моельни. 1897

Бородатый капитализм

Победа никониан ускорила выстраивание централизованной вертикали власти во главе с императором, превратившим православную церковь в элемент административной

системы. Опорой порядка, организованного по европейскому образцу, стало новое сословие — дворянство: принадлежностью к нему теперь наделялись императором служилые люди. Между ними был распределен весь земельный фонд государства — так что именно дворяне, чьи материальные интересы были связаны с землевладением и защитой института частной собственности, оказались главным субъектом новых экономических отношений.

При этом дворянство не проявляло никакого интереса к торговле и промышленности, считая их делом решительно недостойным: «Дворянство английское, тамошние лорды, меньше ли вас благородны? Но они торгуют, они развели в своем государстве овец испанских, они завели отличные фабрики и мануфактуры...» — справедливо упрекал современников в одном из своих сочинений публицист Василий Лёвшин.

Тем временем староверческое крестьянство, оказавшееся на самой периферии новой системы, было вынуждено активно, как никогда прежде, объединить хозяйственные усилия для выживаемости во враждебной среде. Этим целям идеально служила русская община — в иных обстоятельствах она могла бы навсегда уйти в прошлое, а теперь превратилась одновременно в охранительный центр староверия и место зарождения крестьянского капитализма.

Отсюда вышла внушительная группа сельских коммерсантов, вытеснив из новой рыночной среды старые купеческие роды: к началу XIX века разбогатевшим крестьянам, выкупившимся на волю, принадлежало 77 % всех мануфактур.

При этом крупнейшим как производственным, так и старообрядческим центром страны стала Москва. Самую заметную роль там играла Преображенская община староверов федосеевского согласия, делами которой управлял основатель знаменитой купеческой династии Федор Гучков.

Новая идеология раскола признавала, во-первых, всякую коммерческую деятельность, способствующую поддержанию веры и единоверцев, во-вторых — хозяйственное и духовное равенство всех членов староверческой общины, в-третьих же — доступ к беспроцентному (иногда и безвозвратному) общинному кредиту. Именно эта схема обеспечила стремительный успех предпринимателей-староверов, чья экономика основывалась на принципе «твоя собственность — собственность твоей веры»: коммерсант, запустивший предприятие на общинные деньги, не мог выкупить его —

считаясь в глазах властей хозяином, на деле он был скорее управляющим.

В случае же с федосеевцами единственным наследником членов общины оказывалась сама община, поскольку ее члены не признавали брака, а значит, и традиционных наследственных прав.

Интересно, что всеобщее равенство сохранялось и на уровне отношений между руководством и рабочими любой артели и фабрики — последние имели право не соглашаться с управляющими и подчинять их своему коллективному мнению. Еще одной чертой этого специфического капитализма было отсутствие конкуренции между хозяйствами. Старообрядцы, помогающие единоверцам выкупиться из крепостничества, прельщали этим православных работников и приказчиков на своих предприятиях.

Перейдя в староверие, те оказывались под покровительством общины и получали доступ к связям и капиталам для развития собственного дела. Именно так началась история основателя династии Рябушинских — мелкого торговца Михаила Яковлева, который женился на старообрядке из рода Скворцовых (оба они взяли тогда новую фамилию) и сразу стал купцом третьей гильдии.

По официальным данным, к 1830-м годам около 80 % предприятий московского региона были заведены «собственным капиталом без получения от казны вспомощения». Набирая силу, эта закрытая система (денежные средства внутри которой циркулировали без оформления традиционной документации и переходили из руки в руку под честное слово) все больше беспокоила власти. Первым монархом, решившим всесторонне изучить староверческий вопрос, стал Николай I, который стремился отслеживать все потенциальные очаги чрезмерной самостоятельности и свободомыслия в империи. География статистических исследований, инициированных им в 1852 году, включила 35 губерний — цель заключалась не только в выяснении подлинного числа раскольников и мест их расселения, но и в характеристике всех сфер их жизни.

Как выяснили чиновники Министерства внутренних дел, действительное число раскольников превышало официальное в 10-11 раз — причиной же его роста не в последнюю очередь оказалось издоимство местных светских и духовных властей, которые называли поборы со старообрядцев «доходом невинным».

Старообрядцы, располагавшие специальным «денежным фондом» для вынужденных подкупов, владели и информацией о характере, наклонностях и слабостях каждого нового губернатора. Если тот заботился об устройстве благотворительных учреждений, они жертвовали в пользу приютов и богаделен; если начальник был театралом — строили театры.

Результатом исследований явилось императорское Положение, которое обязало всех предъявителей купеческих капиталов иметь удостоверения о принадлежности к православию или единоверию — в случае отказа выдавались торговые свидетельства «на временном праве»: предприниматели переходили в разряд мещан, которые могли заниматься торговлей, но лишались прав и преимуществ купеческого сословия. Эта мера вынудила многих либо перейти в единоверие, как это сделали Гучковы, либо искать спасительные юридические лазейки. Так, братья Василий и Павел Рябушинские с начала 1855 года были записаны в московское мещанство, но вскоре зачислились в купцы третьей гильдии Ейска — недавно основанный город требовалось поскорее заселить, так что новые жители получали различные льготы, в том числе возможность записаться в местное купечество, даже оставаясь в старообрядчестве.

Впрочем, всяческие ограничительные меры довольно скоро были ослаблены — во-первых, старообрядцы имели слишком хорошо налаженные отношения с местными чиновничеством: их не хотелось нарушать ни тем, ни другим; во-вторых, правительство вполне осознавало, что нуждается в сохранении созданной староверами промышленной и торговой базы. Для самих раскольников легитимный выход в правовое поле империи ознаменовал новый этап: перейдя в единоверие, многие из них были рады стать менее зависимыми от общины и обрести наследственные права. Именно в николаевскую эпоху начали складываться староверческие купеческие династии в традиционном их понимании — бывшие управляющие превращались в подлинных хозяев своих предприятий.

Можжебин Павел, одер Август 1906 года VII Всероссийского съезда старообрядцев в
«Купец кричит, как разъяренный морж»

Либерализация политического курса при Александре II отразилась и на старообрядческом вопросе — в начале 1860-х годов представителям большинства согласий вернули право приписываться к купеческим гильдиям на общих основаниях; были отменены почти все николаевские указы. Но подлинного экономического расцвета старообрядческая буржуазия достигла при императоре-русофиле Александре III, вокруг которого сплотились интеллектуалы, коммерсанты и чиновники славянофильских и националистических взглядов — так называемая «русская партия».

При поддержке министра финансов Ивана Вышнеградского верхушка московского делового мира (Крестовниковы, Морозовы, Прохоровы, Кузнецовы, Солдатёнковы и др.)

добилась максимального повышения таможенных пошлин. Любопытно, что немалую роль здесь сыграл Дмитрий Менделеев (происходивший из староверов поморского согласия), который составил программу тарификации всех хозяйственных отраслей. Следующий министр, Сергей Витте, реализовал давнее стремление купечества покончить со спекуляциями на рынке ценных бумаг и валюты.

Кроме того, московским фабрикантам удалось выйти за рамки традиционных для себя отраслей (в основном текстильной и лесозаготовительной): они занялись продажей государству железных дорог и тяжелой промышленностью (в 1890 году Министерство финансов позволило Савве Мамонтову приобрести Невский механический завод), которая всегда была вотчиной военной аристократии и высшего чиновничества.

Конец столь благостному положению дел положил русско-германский торговый договор, заключенный в начале 1894 года. Введение самых высоких в Европе охранительных таможенных пошлин привело к тому, что Германия, экспорт которой в России сильно пострадал, повысила пошлины на главный продукт российского вывоза — зерно. Этот ощутимый удар по отечественному дворянству, чьи доходы во многом зависели от поставок зерна на германский рынок, заставил российское правительство пойти на договор, который гарантировал снижение Германией пошлин на экспорт зерна, а Россией — на шерстяную продукцию. Таким образом, уступки германской стороне оказались сделаны исключительно за счет московских фабрикантов.

Еще большим разочарованием стала для них виттевская денежная реформа: введя империю в систему мирового валютного оборота, она открывала рынок страны для циркуляции международного капитала — в Россию хлынул поток иностранных инвестиций.

Министр, который прежде выступал за индустриальное развитие страны силами купцов и фабрикантов, решил сделать ставку на биржевой капитализм, отведя главную роль банковским структурам Петербурга с их денежным и административным ресурсом. «Нужно не только создавать промышленность, нужно и заставлять ее дешево работать... Что требуется для этого? Капитал, знания, предприимчивость. А нет капиталов, нет и знаний, нет и предприимчивости», — заключал Витте в докладе, адресованном Николаю II, отмечая среди прочего, косность организации российских предприятий, функционирующих в основном в виде семейных товариществ, и непопулярность перспективных акционерных объединений.

Идея о несостоятельности московской промышленной группы получила широкое распространение после забастовок текстильщиков (1896-1897) и последовавшей за ними знаменитой «зубатовщины». Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович (пребывавший в вечной конфронтации со староверческой буржуазией и активно поддерживавший антикупеческую пропаганду среди рабочих) немало поспособствовал и тому, что «тузы коммерции», «господа капиталисты» и «столпы экономики», как уважительно именовали предпринимателей москвичи в последние годы, снова превратились в Кит Китычей да Тит Титычей.

Как бы ни были грандиозны масштабы благотворительности коммерсантов из народа, на страницах газет и журналов их опять изображали недалекими, алчными и мелкими (во всем, кроме разве масштабов пьянства, что в отношении староверов было совсем уж несправедливо) «купчишками»: «Ты знаешь край, где ночью до рассвета // Купец кричит, как разъяренный морж, // Где пьют шампанское Матильда и Кларетта, // Где стекла бьет во гневе пьяный Жорж» (журнал «Развлечение», 1899).

Амбар Товарищества мануфактур Рябушинского в Чижевском подворье, 1900-е годы

Культурная революция

В литературе особую карикатурность обрел образ фабриканта-старовера, в котором проснулось вдруг гражданское сознание: достаточно вспомнить пьесу Сумбатова-Южина «Джентльмен» (1897) и ее героя Лариона Рыдлова (прототипом которого стал один из Морозовых) или повесть Горького «Фома Гордеев», обличающую нравы самодовольного поволжского купечества. Разумеется, подобные тексты возникли в эти годы совсем не случайно — разочарованная московская буржуазия, ощутившая себя разменной монетой в борьбе бюрократических групп, закономерно стремилась к участию в политических трансформациях. Вот только участие это было на деле несколько не карикатурным, поскольку началось с реализации масштабного культурно-просветительского проекта, многие плоды которого не увядают по сей день.

Деловое соперничество петербургской и московской предпринимательской элиты всегда происходило на фоне противостояния культур: официальной и европейской с традиционной и общерусской. Теперь оно обрело явственный политический подтекст — и московская его версия обладала особой прозрачностью: коммерсанты Первопрестольной создавали и финансировали издательства, театры и галереи, готовые порицать чиновничье всевластье и полицейский произвол и ратовать за либеральные свободы. Как написал в те годы Илья Репин в одном из писем Павлу Третьякову, «теперь все ясней становится, что Москва опять соберет Россию. Во всех важнейших проявлениях русской жизни Москва выражается гигантски, недостижимо для прочих культурных центров нашего отечества».

На книгопечатной ниве выразителем этих ценностей стал Иван Сытин — крупнейший в мире издатель, по версии *The New York Times* (1916), а до того костромской крестьянин-старообрядец, начинавший с изготовления и продажи злободневных лубков и книжонок-страшилок, которые за копейки сочиняли для него мелкие чиновники да проштрафившиеся семинаристы. Бизнес расцвел благодаря тому, что Сытин первым в отрасли осознал: производство для массового покупателя должно быть максимально автоматизированным и дешевым — вложив все средства в покупку первого литографического станка и наняв несколько сотен раскольников-офеней, он распространял свою продукцию с невиданной скоростью.

В середине 1880-х Сытин реанимировал принадлежавшее ближайшему сподвижнику Льва Толстого Владимиру Черткову издательство «Посредник», которое выпускало небольшие книги для народа, написанные и проиллюстрированные лучшими литераторами и художниками. Это мгновенно создало Сытину репутацию как в литературных, так и прогрессивных предпринимательских кругах — теперь издатель выпускал сочинения Короленко, Андреева, Чехова, Горького, Пушкина и одновременно с этим либерально-демократическую литературу.

В его магазинах покупателям помогали в подборе библиотеки для чтения, что немало способствовало формированию общественных взглядов: раздраженные монархисты называли сытинскую фирму «вторым министерством народного просвещения».

Одним из главных деловых партнеров Сытина стала Варвара Морозова (мать того самого «джентльмена», высмеянного Сумбатовым-Южным), на средства которой были открыты знаменитые Пречистенские рабочие курсы. Гражданским мужем Морозовой

являлся Василий Соболевский — редактор и издатель либеральных «Русских ведомостей» и член партии кадетов, которые распространяли через Сытина по городам и деревням свои агитки. С 1895 года он начал по предложению самого Антона Чехова выпускать ежедневную газету «Русское слово»: после февраля 1917 года ее тираж превысил рекордный для России показатель в 1 млн 200 тыс. экземпляров, а приносимая ею прибыль была выше суммарной прибыли всех остальных московских газет.

Столь же продуктивным проектом стало основанное в 1897 году издательство братьев Михаила и Сергея Сабашниковых, представителей сибирского старообрядческого купечества. Оно специализировалось на выпуске серьезных естественнонаучных трудов, древней классики (уникальная серия «Памятники мировой культуры») и литературы по теории и практике народного просвещения. Именно Сабашниковы напечатали после сорокалетнего запрета двухтомник Николая Огарева, издали дневник Натальи Герцен и переиздали произведения Виссариона Белинского.

Осенью 1904 года благодаря крупному займу, предоставленному Саввой Морозовым, начался выпуск газет «Наша жизнь» и «Сын Отечества», редакции которых находились в России (а не за границей, как было в случае с большинством оппозиционных изданий) — благодаря этому тиражи оказались довольно высоки, а распространение не требовало отдельных затрат. Интересно, что одним из лидеров в редакции «Нашей жизни» был экономист Леонид Ходский, активный противник протекционистской таможенной политики: Морозов, который на чем свет стоит клял когда-то профессора, теперь оказывал ему финансовую поддержку.

Среди театральных детищ московского купечества самым успешным стал, разумеется, созданный в 1898 году Московский Художественный театр. Символично, что первые несколько лет он именовался Художественно-общедоступным театром — но к концу третьего сезона выбор между художественностью и общедоступностью пришлось окончательно сделать в пользу первой. Отчасти это объяснялось финансовыми соображениями, отчасти нежеланием подчиняться специальной, особо строгой цензуре, следившей за репертуаром народных театров. Мало кто помнит, что один из двух прославленных основателей и руководителей МХТ Константин Станиславский принадлежал к влиятельной староверческой семье Алексеевых, состоявших в родстве с Мамонтовыми и Третьяковыми (городской голова в 1885-1892 годах Николай Алексеев приходился режиссеру кузеном).

Неудивительно, что с момента открытия театра, учрежденного в форме товарищества

на паях (самый значительный вклад принадлежал Савве Морозову, который вместе со Станиславским и Немировичем-Данченко определял деловую деятельность МХТ, а к 1902 году полностью взял на себя финансирование), вокруг него концентрировалась либеральная интеллигенция. Ее взгляды и пристрастия и определяли репертуар — от трагедии Алексея Толстого «Царь Федор Иоаннович», впервые поставленной именно МХТ после тридцатилетнего запрета, до пьес Горького («Мещане», «На дне»), который обратился к драматургии именно по настоянию Станиславского и Немировича-Данченко.

Впрочем, прежде драматического «на новых началах» появился оперный театр — Частная опера Саввы Мамонтова (1885), который привлек к оформлению спектаклей живописцев первого ряда (Васнецова, Коровина, Поленова, Серова, Левитана), завел традицию устраивать труппе регулярные экскурсии по Рогожскому кладбищу (чтобы артисты ощутили истинный дух старообрядчества) и увлеченно занялся поэтизацией русской старины. Но если, например, «Снегурочка», «Жизнь за царя», «Князь Игорь», «Майская ночь» и «Рогнеда» едва ли могли вызвать открытое возмущение властей, то обретшие огромную популярность постановки «Хованщины» и «Бориса Годунова» не оставляли сомнений в позиции Мамонтова по отношению к самодержавию.

По ряду свидетельств, его антимоноархизм сыграл не последнюю роль в истории с коммерческими неудачами, разорением и судом над Мамонтовым, который несколько месяцев провел в тюрьме по обвинению в денежных злоупотреблениях — в итоге они так и не были доказаны, а присяжные полностью оправдали предпринимателя.

Что до историков, то они до сих пор не могут вынести окончательный вердикт по вопросу о роли старообрядческой буржуазии в революционных событиях начала XX века. Ее культурно-просветительский проект был одним, но, быть может, самым ярким из способов проявить специфический «патриотизм» — тот самый, что заключается в готовности пожертвовать для Родины всем, если только это не вредит собственному бизнесу.